

СПОНСОР Общество с ограниченной ответственностью
РУБРИКИ «ТВ КУПОЛ»
100 ТВ Легенды «Ленфильма» — кинопоказ на 100ТВ

Неутомленные солнцем

Анатолий
Кузнецов в роли
товарища
Сухова.

30 МАРТА 1970 ГОДА В ПРОКАТ ВЫШЕЛ ФИЛЬМ ВЛАДИМИРА МОТЫЛЯ «БЕЛОЕ СОЛНЦЕ ПУСТЫНИ», КОТОРЫЙ ПРИНАДЛЕЖИТ СЕГОДНЯ К ЗОЛОТОМУ ФОНДУ СОВЕТСКОГО КИНЕМАТОГРАФА

45 лет минуло с момента выхода фильма, а это раскаленное добела солнце пустыни так и не утомило зрителей. Многие поколения смотрят его и пересматривают, знают всех персонажей по именам, помнят их реплики, которые вошли в наш обиходный язык. Стоит произнести «Восток — дело тонкое» или «Мне за державу обидно», чтобы собеседник сразу понял, откуда эти крылатые слова.

Автору этого материала повезло: в разные годы своей жизни он общался с создателями картины — режиссером, оператором, артистами, каскадерами. Читая этот текст, понимаешь, как создавалась легенда.

Первый рабочий день. Киногруппа взята в полукольцо вздернутый нос баркаса. Режиссер Владимир Мотыль (он по случаю жаркой погоды в шортах, белой футболке и белой кепочке, бесформенной, похожей на панаму) словно ручную гранату бросает бутылку шампанского. Бутылка отскакивает от борта, как от резинового, и шлепается в песок. Вторая попытка тоже неудачная. Кто-то в толпе пророчит вполголоса:

— Одно из двух: либо картина будет г... либо — шедевр!

Когда после третьего броска по ржавому борту стало стекать шампанское в шапку пены, Мотыль вздохнул:

— Ладно, приступаем к работе, а там... что будет, то будет!

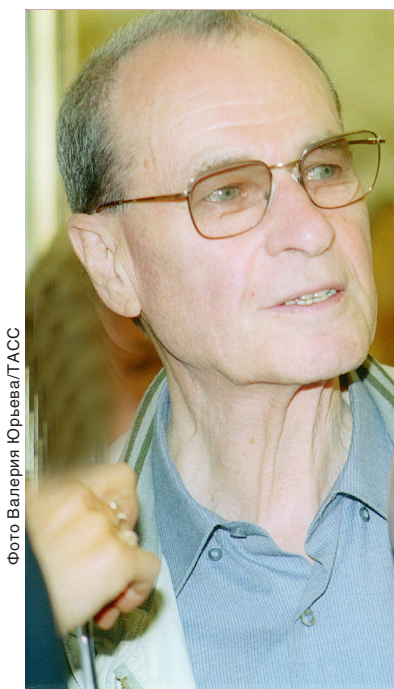
Почти через тридцать лет после выхода фильма «Белое солнце пустыни» в прокат награда нашла героев — создатели удостоились Государственной премии России.

Павел Луспекаев и Раиса Куркина — Верещагин и его жена.

Николай ГОДОВИКОВ, актер:
ЗРИТЕЛИ ПО ГУБАМ ОПРЕДЕЛЯЮТ,
ЧТО МОЙ ПЕТРУХА ГОВОРИТ

Владимир МОТЫЛЬ, режиссер:
БЕЗДУМНО НЕ ОТВЕРГ НИ ОДНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

— Меня часто спрашивают: «А чувствовал ли ты, что вы снимаете шедевр?» Сценарий — не шедевр, это однозначно. Многие придумывались в процессе, на ходу. Но по тому, как люди относились к работе, чувствовалось: что-то серьезное вырезает. Все, включая костюмеров и плотника, вбивающего гвоздь, ощущали себя творцами. Инициатива исходила буквально от всех: «Владимир Яковлевич, а вот так не лучше ли?» Я бездумно не отверг ни одного предложения.

Снимается эпизод, когда Сухов с гаремом Абдуллы скрывается в емкости из-под нефти. Верхний люк бандитов закрыт — внутри полная темнота... должна быть. Но как зрители узнают о происходящем в емкости? Как показать перепуганные лица женщин и спокойствие Сухова? Только посредством голосов, звучащих на фоне черного экрана? Ну хоть бы какой лучик света!.. Но нет его! И не может быть! А Розовский не то шутя, не то всерьез предлагает:

— Давай используем рентгеновское изображение, чтобы вместо наших героинь двигались скелеты!..

Татьяна КУЗЬМИНА (в девичестве — Федотова), актриса (Гюльчатай):
БОГ УБЕРЕГ МЕНЯ ОТ СЛАВЫ!

— Мне так не хочется касаться всего этого... Не думаю, что кому-то это может быть интересно. Народу надо нести слово Божье...

Вот, говорите вы, Гюльчатай другой представить невозможно. Ну а если бы ее сыграла Тая Денисова? Вы не смогли бы представить меня. Немногие восторженные зрители «Белого солнца пустыни» знают, что роль Гюльчатай играли две актрисы. И обеих можно видеть на экране! Кто теперь не знает «Гюльчатай, открой личико»?! А ведь Петруха так и погибает, не удостоившись счастья лицезреть юную красавицу Востока... И едва ли кто из зрителей знает, что на экране — личико исконно русской девочки Тани Федотовой.

Меня нашли в Хореографическом училище имени Вагановой. Пригласили на эпизод — не на Гюльчатай. Гюльчатай играла Тая Денисова, она тогда училась в Московском цирковом училище. В самый неподходящий момент администрация училища в ультимативной форме потребовала от Денисовой: или цирк, или кино! Тая выбрала цирк. И тогда в том же гареме Абдуллы нашлась другая Гюльчатай. Кстати, личико Тани Денисовой можно увидеть в сцене у самовара, где Сухов сидит в окружении всех своих жен.

Честно говоря, в том, что и как я сыграла, ничего особенного нет. Мне даже странно слышать, когда говорят: «Ах, как вы сыграли Гюльчатай!» Да, определенное актерское мастерство — ему нас в училище обучали — у меня было, а остальное я себе представила, вообразила... Легко ли молодой девушке представить себя наложницей? Я не думала (совсем еще ребенок была!): вот, мол, я такая чистая, непорочная... Мне, шестнадцатилетней, странным казалось другое: я — и вдруг в кино!

В юности я была хороша собой, у меня были красивые волосы, длинные. Я сама себе нравилась. Часто, любя себя в зеркале, думала: ой, какая я красивая!.. Не понимая, что это заслуга Бога, Бог меня такой сотворил. Незнание, что бы со мной дальше было, если бы ко мне пришла слава. Господь меня сохранил, уберег от славы!

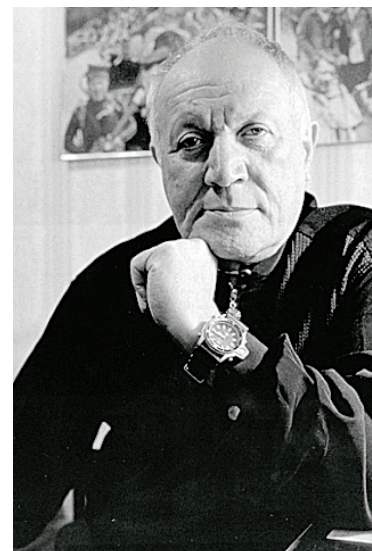

Александр МАССАРСКИЙ, каскадер,
постановщик трюков:
ДЕЛО БЫЛО В КОСМОСЕ

— О большой любви космонавтов к картине «Белое солнце пустыни» знают все. Но не все знают историю, которую мы, творческая группа, услышали в Звездном городке. Дело было в космосе. Решил экипаж посмотреть «Белое солнце пустыни». Но что-то не ладилось с аппаратурой.

— Наконец мне надоело и я «пошел» в душ, — рассказывал Владимир Ковалёнок. — А Иванченко продолжал возиться. Вдруг на станции раздался громовой голос:

«Здорово, отцы!» — и через секунду другую: «Давно здесь сидите?» Мы оба не сразу поняли, что произошло. Один из нас (не буду уточнять кто) решил, что сошел с ума, а другой — что пришельцы объявились...

— Все запомнили сцену с черной икрой у Верещагина. В кино такие вещи называются исходящим режиссурой. Значит, по окончании съемок продукт может быть... съеден. Если деревянную тарелку Верещагина наполнить икрой доверху, двух банок бы не хватило. Поэтому полную сделали с двойным дном, оно сильно уменьшало вместимость.

Перед съемкой сцены с икрой Луспекаев шепнул мне:

— Коля, ищи себе ложку! Икру отснимут, группа набросится, руками жрать станут!

— Я побежал в буфет. Первый дубль отсняли, второй, третий. Режиссер: «Достаточно.

«Алучские икры киношники чуть на слону не изощли», — говорил потом дядя Паша. А меня нет! И Луспекаев громогласно — чтобы слышали все — подсказывает Мотылю:

— Владимир Яковлевич, а актерский дубль?!

Он уверен: ему Мотыль не откажет.

— Все по местам! Еще дубль — актерский.

Я появился к концу актерского дубля, карман оттопырен — в кармане ложка.

Мотыль:

— Отснято!

Все к площадке — такая халва! Цепляют кто чем. А у нас с дядей Пашей ложки!

Когда через три минуты в павильоне мы остались вдвоем, Луспекаев спрашивает:

— Ну что, Коля, перепало тебе икры? — Да как вам, Павел Борисович, скажете...

— В таком случае я знаю, где еще банка есть! Реквизиторы — народ предсказательный. Пойдем.

— Пойдемте, — и я подставил Луспекаеву плечо — опереться...

Это так, актерский треп. Но один съемочный день «Белого солнца пустыни» под Каспийском я умирать буду — не забуду! Владимир Яковлевич говорит Луспекаеву: «Павел Борисович, на сегодня с вами всё». Я привычно подставил плечо: «Дядя Паша, идемте к стулу». А он: «Идем к морю». Мы отошли достаточно далеко от группы. Сели на песок прямо у воды. «Снимай!» Я снял с него сапоги. «Снимай!» Снял про-

— Владимир Яковлевич, Петруха же не в отряде, командира над ним нет, а Сухову наверняка не до Петрухиных обмоток. На кой черт они ему?! Посмотрите, как без них хорошо!

Мотыль посмотрел:

— Да, ты прав, — и дал команду каскадерам: вычеркните у Годовикова обмотки!

И вот как утро — я ботинки на ноги и готов! А Толя Кузнецов ворчит:

— Ну, ты молодец! Молодой да ранний!.. — И наматывает, наматывает обмотки, вначале на одну ногу, потом на вторую...

У болячки на носу моего Петрухи своя история. В «банде Абдуллы» снимался каскадер Валентин Фабер. Красивый парень был. Бабникжуткий! Валя привез с собой в Махакалу на съемки велосипед. В киногруппе знали: если Фабер — на велосипед, значит, поехал по бабам. Местные парни и били его, и убить грозилась. Бесплезно! Против натуры не попруешь.

Я жил в одной гостинице, а «бандиты» в другой. Заскочил я как-то к Вальке на минутку — предупредить, что буду у себя во столько-то, мол, приходи в гости. А один наш актер, имя называть не стану, бухарик страшный, велосипед выпрашивает:

— Дай, Валя, съездить.

— Возьми, но только ненадолго!

— Я туда и обратно!

Возвращаюсь я к своей гостинице и вижу: бухарик наш местному кумыку велосипед продал. За пятерку! Продаю уже. Тот заплалил. Я достаю своего пятерку, протгиваю кумыку:

— Держи деньги и верни велосипед, этот не хозяин — чужим торгуешь.

А кумык велосипед отдавать не хочет: я купил, и всё!

Я вцепился в велосипед, он тоже.

— Отдай, тебе говорят!

Кумык ударил меня. Я ударил его. А бухарик сзади меня обхватил, руки к туловищу прижал. Кумык поднял с земли кусок водопроводной трубы да как вьет ему по носу! Вырубил.

В общем, пришлось Мотылю придумывать и снимать сцену, где моего Петруху бьют. Чтоб оправдать болячку на носу.

А помните, как Петруха по большой нужде идет за дувалом? И вдруг — Абдулла со своими абреками. Хватает Петруху винтовку. Раз осечка! Два осеч-

ка! Бросает Петруха винтовку, раздосадованный, злой. Мне нужно было разозлиться, а у меня никак не получалось. Подходит Мотыль:

— Николай, ты вроде бы матом уже научился ругаться?

— Владимир Яковлевич, так ведь с матом мы из чрева матери вылезаем...

— Ну вот, возьми и ругнись!

Я ругнулся. Все получилось. После на творческих встречах мне часто задавали вопрос:

— А правда, что вы там нецензурно выразились?

Зрители по губам определяют, что мой Петруха говорит!..

История о часах Сухова. Они габаритные, Сухов почему-то носит их поверх майкета гимнастерки. И вот, когда уже довольно много отсняли Кузнецова с этими часами, они исчезли. Все за голову схватились: где такие еще найдешь?! Они ж в единственном экземпляре существуют. Под подозрение попали местные дагестанцы, работавшие на картине разнорабочими. Многие из них были с довольно мутным прошлым. Собрали их.

— Ребята, пропали часы Сухова. Мы никого не обнимем...

Реакции никакой. Что делать? Я знал, кто у местных в авторитете. беру на понт.

— Камил, часы нужно вернуть. Пойми, мы не можем дальше снимать. Это же не настоящие часы — фикция: корпус, а внутри никаких механизмов. Они никому, кроме нас, не нужны.

И на следующий день часы подкинули! А Камил отблагодарили тем, что произвели в «басмачи». Он снимался в «банде».